

Родная Велесница

Иду просёлочной дорогой
я к дому детства своего,
где ждёт бабуля у порога,
где так уютно, так светло.
Целую бабушкины руки,
что пахнут свежим молоком,
и убаюкивают звуки...
я забываюсь... босиком
пройду по полю прямо к речке,
блестит под солнышком вода,
здесь звонко ласточка щебечет
и пряно пахнет череда...
По вечерам в деревне слышен
пастуший свист, и звон ведра,
и клёкот аиста на крыше,
и как резвится детвора...
Проснусь я утречком, с рассветом,
гудит комбайнов звонкий хор,
и в то, своё шестое лето,
босая выйду я во двор...

Есть на Полесье Велесница –
там детство светлое прошло,
она ночами часто снится –
в ней так уютно, так тепло.

Лесная сказка

...и мчится в небе эскадрилья облаков,
гонима ветром в сказочные дали,
а сосны шепчутся о вечности тайком,
грустят берёзы...
сгорбившись, блуждает
среди густых лесов таинственная тень...
сквозь лапы елей солнце ярко светит –
так удивительно хорош осенний день,
но разошёлся вдруг задорный ветер:
то налетит он,
то заблудится в листве...
то притаится в зарослях, вздыхая...
и мчится вихрем
по разбуженной траве,
и невесомой бабочкой порхает.

А на исходе дня такая тишина –
его сменяет чуть прохладный вечер...
всё ближе ночь... вдруг опускается она
и звёздной шалью падает на плечи.

Родные места

Над Ясельдою дым клубится,
и в предрассветной тишине

знакомый крик болотной птицы
напоминает детство мне.
Проснулась рано деревушка...
по кочкам утренней порой,
брожу я сонною пастушкой,
несётся чибис над рекой.

«Чи вѣ, чи вѣ?» прольётся плачем
тревожный крик... и тишина.
Сорву я клевер на удачу...
напомнит ласково волна,
как по реке скользила лодка
и признавался мне в любви
мальчишка с улицы Болотной...
и шёпот еле уловим...

Вечная связь

Рисую осень старой акварелью —
а в небе расплескалась синева,
и сентябрю послушно сосны внемлют,
грустит ещё зелёная трава.

На зверобое дремлет шмель-бродяга,
простужено чихает сонный ёж...
гусям же улетать на юг не в тягость —
несётся над верхушками галдёж.

Берёза, простодушная девица,
о чём-то с ветром шепчется тайком —
он обещает ей зимой присниться
и улетает лёгким мотыльком...

А солнышко ещё ласкает, греет,
играет в прятки с сентябрём, смеясь.
Готовятся к зиме лесные звери —
таков закон, и непрерывна связь.

Русский солдат

Миллионы непрожитых жизней,
недосказанных слов и потерь,
миллион не озвученных мыслей,
раскалённых в потоке смертей...

Прошагав километры тревоги
по рыдающей русской земле,
в кровь стирая уставшие ноги,
отмеряя и воду, и хлеб,
шёл солдат, презирая усталость,
стиснув зубы, и в зной, и в пургу,
не считая, сколько осталось,
не сдавался войне и врагу.
Не сдавалась связная-девчонка

и в подполье ушедший студент,
мать убитого взрывом ребёнка
и измученный пытками дед.

Как тебе удалось не сломаться,
в чём же сила твоя, славянин,
что готов ты за правду сражаться,
даже если остался один?

Не за то воевали когда-то,
чтобы Каина время пришло,
и приходится русским ребятам
объяснять, что нацизм — это зло.
Собрала под покровом свободы
Русь Святая на славной земле
поколение сильных народов,
победивших в Великой войне.

В обелисках, как вечные стражи,
память подвигов свято храня,
завещают нам прадеды наши
мир беречь и за правду стоять!
За Отечество наше, ребята,
за горящее сердце в груди —
рядом с ныне живущим солдатом
стали мёртвые в строй, как один.

Так назначено Богом — веками
в победителях русский солдат,
в коем сердце — великое пламя,
кто за веру — ни шагу назад!

Миллионы непрожитых жизней
продолжаем мы с честью за тех,
кто был верен земле и Отчизне —
их Победой заложен успех!

Чёрные маки

Сидишь над раскрытой книгой,
не видишь ни букв, ни строчек...
пришла с похорон комбрига,
погибшего прошлой ночью.

Дымит в блиндаже коптилка,
заходится сердце болью...
у холмика той могилки
ты плакала над любовью.

Тебе не сказал ни слова,
на миг в дверях задержался...
простились... в бою суровом
врагу не простил, не сдался.

От дыма земля ослепла,
не выжили в той атаке...
покрыты деревья пеплом,
и чёрными стали маки.

Не прощаясь

Разве голоса можно бояться,
если голос ты любишь безбожно,
невзирая на страх признаваться
разве можно?
А не странность любить человека,
в человека совсем не влюбляясь,
забывая про гордость и эго...
а не странность?
И прощаясь, не верить обьятням,
по обьятиям всё же скучая...
и как быть мне, хотела б узнать я,
НЕ ПРОЩАЯСЬ.

Мелодия

Быть слабой нельзя,
быть сильной трудно,
а сколько ещё впереди дорог,
что звонко натянуты,
будто струны –
на них не найти отпечатки ног.
Забывшись, взмываю
синей птицей –
тревоги долой, прогоняю грусть,
крадутся, как тени,
пустые лица...
но я их давно, давно не боюсь.
Свободы глоток
приняв однажды,
я счастьем дышу, обид не тая.
Босая по струнам
иду отважно.
Ты слышишь мелодию?
Это я.

Герой

А вы когда-нибудь осеннюю разлуку
шутя бросали на мольберт цветным штрихом?
А, может быть, ещё убийственную скуку
гоняли прочь, в ночи гуляя под зонтом?
Трепали в сумерках звенящие аккорды,
стояли голышом под ливневым дождём...
А вы когда-нибудь брели, не зная брода?
Вперёд отчаянно неслись своим путём?

И если вы хоть раз с луной играли в прятки

и буйным ветром проносились над рекой,
ныряйте в чувства не страшась и без оглядки,
моих стихов
лирический герой!

Наверняка

Скольжу бесшумной тенью по асфальту
с натянутой улыбкой на губах
и нервно в кулаки сжимаю пальцы –
устала от бессмысленных забав.

Иду одна по мокрому асфальту,
а в лужах тонут блеклые огни,
иду... и ночь, укутав звёздной шалью,
тихонько шепчет городу: «Усни...».

Луна в густом тумане заблудилась,
шальным дождём рыдают облака...
я отдаю себя судьбе на милость –
и это хорошо...
наверняка.

Заговорщики

Ты слышишь то же, что и я?
Танцует дождь, и с крыши
несутся ручейки, струясь,
и что-то шепчут, слышишь?
Потише, друг мой, помолчим,
позволь с тобой забыться...
и пусть пылают кумачи –
оставим в прошлом лица
всех тех,
кто дальше не пошёл,
а то, что не сложилось,
отправим в небо багажом,
чтоб громом разразилось.

Беглянка

*«Самый чудесный город тот,
где человек счастлив».*
(Э.М. Ремарк, «Ночь в Лиссабоне»)

Ворвётся летний день в моё окно
звонящим детским смехом спозаранку,
и, ставни распахнув, спрошу его:
«Простил ли ты вчерашнюю беглянку?».
Мне улыбнётся он и пропоёт,
отправив золотых лучей охапку:
«Надень-ка платье лучшее своё
и кружевную шёлковую шляпку,
отгородись от будничных забот,

иди гулять по городскому парку...
пускай не Лиссабон – твой город тот,
где счастлив ты, цитируя Ремарка».